

дом по уменьшению влияния старообрядческой церкви на территории Оренбургской губернии и усиления единоверчества.

Библиографический список

1. Моргунов К.А. Формирование этноконфессионального пространства Оренбургской области // Альманах общественного института. Оренбург, 2010. № 10.
2. Камзина А.Д. Численный и социальный состав старообрядцев Оренбургской епархии в XIX – начале XX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2013. № 2.
3. Коночченко А.И. Особенности церковно-административного устройства Оренбургской Епархии (2-я половина XIX – начало XX вв.) // Сохранение памятников церковной старины в России XVIII – начала XX / Сборник документов. Москва, 1997.
4. Камзина А.Д. Деятельность старообрядческих общин. Белокриницкая иерархия на территории Оренбургской епархии, во второй половине XX вв. // Культура Оренбургского края история и современность. Оренбург, 2013. № 13.
5. Россия и Восток: проблемы взаимодействия: 3-я Международная научная конференция, тезисы докладов, Челябинск, 29 мая – 4 июня 1995 года / Челябинский государственный университет; Институт востоковедения РАН; Институт российской истории РАН; Научно-исследовательский институт азиатских проблем истории и культуры Челябинского государственного университета. Челябинск: Челябинский государственный университет, 1995.
6. Чернавский Н.М. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. Оренбург, 1900-1902. Т. 1. с. 224 [Электронный ресурс]. URL:<http://elib.shpl.ru/ru/nodes/14959-vyp-1-1900>
7. Раздорский А.И. Историко-статистические описания русской православной церкви (1848-1916) // Сводный каталог и указатель содержания. СПб.: РНБ, 2007.
8. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-627.

Е.Р. Коплевацкая

Саратовский национальный исследовательский университет

РУССКИЙ СОЛДАТ НА КАВКАЗЕ ГЛАЗАМИ А. А. БЕСТУЖЕВА-МАРЛИНСКОГО

В. Г. Белинский вскоре после опубликования повести А. А. Бестужева «Аммалат-бек» писал в статье «Литературные мечтания» о декабристе: «Это один из самых примечательнейших наших литераторов. Он теперь, безусловно, пользуется самым огромным авторитетом; теперь перед ним все на коленях; если его не все еще называют русским Бальзаком, то потому только, что боятся унижить его этим и ожидают, чтобы французы называли Бальзака французским Марлинским» [1, с. 83]. Однако, как это зачастую бывает, ошеломительному успеху предшествовал спектр неудач и жизненных перипетий.

На долю А. А. Бестужева выпало заслужить прощение монарха в Дагестане, слывшим «Кавказской Сибирью». Климат здесь был переменчивый, а жизнь протекала в «крохотных крепостцах» [4, с. 300] и была полна безнадежности. Но судьба распорядилась так, чтобы именно во время пребывания Бестужева в Дагестане сюда пришли мятежные племена, возглавляемые имамом Гази-Мухаммедом или Казимуллой. Это историческое событие не могло не найти отражения в литературном творчестве А.А. Бестужева – так появился цикл очерков «Письма из Дагестана».

Произведение ставит перед читателем реальность, объективно рассказанную непосредственным очевидцем: Бестужев дважды участвовал в сражениях: в августе при осаде Дербента Казимуллой и в октябре, когда был предпринят поход отряда под командованием генерал-адъютанта Н.П. Панкратьева [5, с. 628]. Однако в очерках также описаны сражения 30 мая 1831 г. у города Тарки и взятие селения Казанищи 22 августа того же года, в которых автор участия не принимал. Вероятно, сведения об этих столкновениях с повстанцами Бестужев узнал от их непосредственных участников, одним из которых был его брат Петр.

Сам Марлинский, принимаясь писать этот цикл, уже на первых страницах дает читателю понять, что все последующее изложение есть ни что иное как именно его (или его близких) личный опыт, достойный ознакомления общественности: «Я могу довольно верно изобразить вам уголок картины, у которой пороховой дым служит горизонтом и рамами, но не спрашивайте у меня целой панорамы, еще менее – планов сражений и походов. На это не станет у меня ни средств, ни умения, ни досуга. Но ведь надобно же и вас потешить; надобно же хоть скольконбудь познакомить вас с театром дагестанской войны» [3, с. 96].

В «Письмах...» литературоведы выделяют ряд ключевых моментов, достойных рассмотрения. В первую очередь, это батальные сцены, описанные Александром Бестужевым с высоким мастерством литератора и с применением богатого военного опыта. Знакомясь с этими фрагментами, читатель и сам становится участником сражений. Более того, Бестужев не стремится «нарисовать» войну, он излагает весь кровавый ужас, который она за собой несет: «Никогда в жизни не видал я столько крови и столько храбрости на столь малом пространстве» [3, с. 127].

Однако особого внимания, на наш взгляд, заслуживает русский солдат и его жизнь, занимающие центральное место в произведении. Стоит отметить, что именно Бестужеву принадлежит открытие того, «о чем писатели, ему предшествовавшие, не имели ни малейшего понятия – русского солдата» [4, с. 308]. В письме к Н.А. Полевому Бестужев как-то написал: «Кто видел солдат только на разводе, тот их не знает; ... Надо спать с ними на

одной доске в карауле, лежать в морозную ночь в секрете, идти грудь с грудью на завал, на батарею, лежать под пулями в траншее...» [2, с. 319]. Действительно, участие в сражениях Бестужева непосредственно плечом к плечу с рядовыми сыграло ключевую роль в создании героев его очерков и повестей. В «Письмах...» суровая походная солдатская жизнь показана как нельзя красочнее и подробнее. Здесь и холодные горные ночи, дефицит продовольствия и воды: «Ночной холод проникал меня насквозь. Голод и жажда воевали в желудке, — а где найти воды? где достать сухаря?» [3, с. 116]; и физическое истощение, отсутствие сна, порождавшие небывалую усталость: «Ни гром пушек рядом со мною, ни свист пуль мимо не пробудили меня» [3, с. 119], от которой и камень казался мягкой периной: «... и как сладко и как крепко уснул я под открытым небом, на голом камне у огонька!» [3, с. 121].

Интересно как Бестужев обыгрывает страх солдат во время сражений. Один из таких моментов кратко описан автором при штурме с. Эрпили: «... иные даже кланялись пулям, которые жужжали мимо как шмели, — но над такими смеялись. “Видно, знакомая пролетела?”, “Эй ты, саратовец... что ты словно перед попом раскланялся? Что бережешь свою шапку? Батюшка царь богат, другую даст! Лови, лови за хвостик!” и тому подобные остроты слышались по цепи» [3, с. 112]. Этот фрагмент важно отметить и потому, что здесь речь обращена к некоему «саратовцу», что наталкивает на размышления об участии наших земляков в Кавказской войне и их вкладе в победы на этом театре военных действий.

Таким образом, судьба писателя, несмотря на ее трагичность, позволила ему сражаться в одном ряду с рядовым солдатом и погрузиться в его нелегкую жизнь. Этот жизненный опыт Марлинский с большим мастерством перенес на бумагу, создав тем самым широкий фонд источников по изучению Кавказской войны.

Библиографический список

1. Белинский В.Г. Литературные мечтания: элегия в прозе // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: АН СССР, 1953. Т. 1. С. 20-105.
2. Бестужев А.А. Письма А.А. Бестужева к Н.А. и К.А. Полевым. Письмо № 9 // Русский вестник. 1861. Т. 32. № 3. С. 317–321.
3. Бестужев-Марлинский А.А. Письма из Дагестана // Бестужев А. А. Собр. соч.: в 2 т. М.: Худ. лит., 1981. С. 94–133.
4. Голубов С.Н. Бестужев (Марлинский). 2-е изд., испр. М.: Мол. гвардия, 1960. 367 с.
5. Примечания. Письма из Дагестана / сост. Ф.З. Канунова // Бестужев-Марлинский А.А. Кавказские повести. СПб.: Наука, 1995. С. 618-702.